

*Юлия Вонховна Хен,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
сектора философии естественных наук,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: hen@iph.ras.ru*

«Природа человека»: соотношение биологического и социального

Обсуждение «природы человека» является традиционным для философского дискурса с античных времён и до наших дней. До недавнего времени самой влиятельной концепцией в этой области считалась социобиология. Сегодня на смену ей приходит другой взгляд на проблему – биофилософия. В статье рассматривается генезис и преемственность проблематики этих двух подходов, а также принципиальное различие между ними.

***Ключевые слова:** социобиология, биофилософия, философия биологии, вырождение, евгеника*

*Julia K. Khen,
Doctor of Sciences (Philosophy),
Main Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: hen@iph.ras.ru*

“Human Nature”: The Ratio of Biological to Social

Discussion of the "nature of man" is traditional for philosophical discourse, from ancient times to the present day. Until recently, the most influential theory in this area was considered sociobiology. Today instead it comes another view at problem – biophilosophy. This article describes a continuity perspective of these two concepts, as well as the fundamental difference between them.

***Keywords:** Sociobiology, biophilosophy, philosophy of biology, degeneration, eugenics*

Биосоциальная природа человека является постоянным источником размышлений на тему, какая из составляющих является преобладающей в характеристике homo sapiens. Что есть человек на самом деле, «двуногое без перьев» или «душа, обременённая трупом»? Животное, чьи поступки

определяются примитивными инстинктами, или высоко нравственное существо, чья подлинная жизнь начинается только после смерти. В зависимости от того, какой ответ даётся на этот базовый вопрос, мы получаем различные картины человеческой природы. Но, разумеется, представление о *двойственной* природе человека имеет давнюю историю.

Традиция рассматривать человека не только как сосуд для духовного содержимого, но и как истинное животное, произведение природы, обнаруживается уже в ранних евристических концепциях (Феогнид, Платон, Аристотель и др.), в которых человек нередко сравнивается с домашними животными и представляется как одно из них. Такой подход не случаен. Цель его – обосновать необходимость использования опыта селекции, накопленного сельским хозяйством, применительно к человеку, ради выведения более совершенных человеческих особей. Из античности пришёл к нам популярный довод, к которому впоследствии неоднократно прибегали евристы, а сформулировал его античный поэт Феогнид, который с укоризной пеняет своим современникам за пренебрежительное отношение к естественным законам наследования родительских качеств, полагая, что именно здесь коренится причина *вырождения* человеческого рода.

Средние века и Новое время отметились собственными проектами создания совершенного человека, в которых нашли отражение специфические для времени представления об отношении биологического и социального, и о том, как изменение в одной сфере способно привести к изменению в другой (Т. Мор, Т. Кампанелла). Так, например, Кампанелла писал в своём «Городе Солнца», что возвышенная музыка и созерцание прекрасных картин беременной женщиной способствуют гармоничному развитию плода, что ведёт к рождению здорового уравновешенного ребёнка.

Новейшее время, отдавая дань научной рациональности, создало свои теории соотношения природного и социального в человеке. В это время на передний план выходят эволюционные представления. И прежде всего, Чарльз Дарвин с его теорией эволюции, центральными понятиями которой были борьба за существование и естественный отбор. Теория Дарвина о происхождении видов путем «полового подбора» оказалась той самой давно востребованной концепцией, которая предоставила *натуралистическое* объяснение возникновения и развития человеческого общества. Дарвину удалось продемонстрировать, каким образом трансформируется природная основа под действием социальных факторов. Заметим, кстати, что в данном случае «социальное» понимается в широком смысле, как особенность поведения, зародившаяся в животном мире и широко распространённая в природе за пределами человеческого общества. Таким образом, борьба за существование, вследствие которой погибают плохо приспособленные особи и выживают лучшие и сильнейшие, объединяет человека с прочими животными видами, и представляет биологическую эволюцию на земле (вершиной которой, как у нас принято считать, является чело-

век) в качестве единого процесса, подчинённого действию одних и тех же *естественных* (объективных) законов. Итак, наука новейшего времени постулировала и обосновала отсылкой к естественным причинам исходную двойственность (био-социальность) человеческой природы, попутно указав на то, что относиться пренебрежительно к природной (животной) составляющей человека не следует. Иначе придётся иметь дело с многочисленными неврозами и психозами, последствия которых бывают весьма неприятны (эта тема подробно освещалась молодой наукой психологией).

Дарвинизм был очень хорош в качестве естественного объяснения многих человеческих пороков. Его охотно адаптировали евгенические теории, ведущие свою историю, как уже говорилось, с античных времён, когда ещё не было ни объективной потребности, ни «социального заказа» на регулирование численности и состава населения. Тем не менее, сама проблема в рамках философии уже обсуждалась (Платон «Государство», Аристотель «Политика»). Однако во времена Дарвина перенаселение, нехватка продовольствия, «социальные» заболевания (туберкулёз, сифилис) и «падение нравов» (алкоголизм, проституция, неуклонный рост преступности) уже представляли из себя серьёзную проблему. А теория естественного отбора как нельзя лучше подходила не только для объяснения причины очевидного вырождения человечества, но и указывала выход из ситуации. Доводы социал-дарвинистов были крайне просты и логичны: согласно расчётам, давление естественного отбора в человеческом обществе в десять раз слабее, чем в природе. Поэтому дефицит естественного отбора следует восполнить введением отбора искусственного, как это искони делается в животноводстве. При этом считалось, что биологическое и социальное в человеке подчиняются действию сходных законов (поэтому «ослабление физической конституции» и «падение нравственности» попали в один список). И это не случайное совпадение, но отражение естественного генезиса социальности.

Из такого понимания биологической эволюции позднее, когда дискредитированная евгеника (временно) сошла с арены научных дискуссий, сформировалась социобиология, оформившаяся в самостоятельное направление во второй половине 70-х гг. XX века. Как было показано, она возникла не на пустом месте и явилась итогом многолетней работы учёных разных специальностей, направленной на выявление связи биологического и социального. Социобиология, объединившая в самом названии устоявшуюся дихотомию понятий, стала современным ответом на этот вопрос, и её основной принцип состоит в объяснении социального поведения живых существ (не только человека) набором определённых преимуществ, выработанных в ходе эволюции. Новизна идеи заключается, помимо прочего, в том, что социальное поведение не рассматривается в качестве прерогативы разумного человечества, но как продукт эволюционного развития, предпосылки которого обнаруживаются не только у высших животных. Замечу «в скобках», что один из моих знакомых (биолог по образованию и роду занятий)

считает, что *предпосылки* разумного поведения имеются уже у простейших. В частности, к таковым он относит способность одноклеточных организмов различать питательную или вредоносную среду и двигаться в субстрате в ту сторону, которая увеличивает шансы организма на выживание.

Как законченная система мировоззренческих установок, существующих на стыке различных наук, социобиология впервые была представлена в работах профессора Гарвардского университета Э. О. Уилсона, в первую очередь, конечно, в книге «Социобиология: новый синтез» (1975). Название книги отражает намерение автора рассмотреть человека с разных позиций и, используя новейшие данные наук (как биологических, так и социальных), представить его как результат «нового синтеза» наработанных знаний. Согласно представлениям автора, такой подход позволит создать обновлённый (по сравнению с предыдущим этапом) и целостный образ человека, в котором в корректной форме отразится соотношение биологической природы и социальной составляющей. Предполагалось, что это даст нам адекватный и исчерпывающий образ объекта, свободный, с одной стороны, от биологизаторства, а с другой – от чрезмерного социологизаторства. Идея была встречена с энтузиазмом и вызвала огромный интерес у исследователей самых разных научных специальностей (представителям старшего поколения вузовских преподавателей философии она до сих пор памятна, хотя и в качестве «буржуазной» теории). Полемика не уступала напряжённостью той, что сопровождала в своё время выход из типографии «Происхождения видов...». Как и в случае с дарвинизмом, главной причиной интереса к социобиологии стало то, что в рамках её предлагалось новое решение целого ряда «гуманитарных» проблем, таких как происхождение морали, свобода, детерминизм, рациональность, социальная агрессия, альтруизм и эгоизм. Революционным было то, что истоки широкого спектра социальных проблем обнаруживались в биологической природе человека и рассматривались как результат биологической эволюции. Таким образом, довольно скоро выяснилось, что социобиология, вопреки заявленной Э. О. Уилсоном задаче, в теоретическом плане мало чем отличается от социал-дарвинизма, только с поправкой на политкорректность, в качестве неизбежного требования времени. Другими словами, никакого «нового синтеза» не получилось, невзирая на использование новейших данных, наработанных наукой о человеке. Не улучшило ситуацию и то, что каждый из участников полемики рассматривал объект со своей профессиональной «колокольни». Биологи, экономисты, психологи, социологи и т. д., – каждому из представителей профессионального сообщества человек представлялся по-своему, и каждый был, конечно, прав (хотя бы отчасти). Но свести воедино все эти образы, то есть дать ответ на вопрос «что есть человек», так и не удалось. Синтез не случился. И в этом обстоятельстве мне видится принципиальная трудность, исходная ошибка в постановке задачи. Целостный образ чего-либо можно создать только на начальном этапе, когда предмет плохо изучен. Но когда мы приходим к осознанию его многознач-

ности, многофункциональности, полиморфизма, начинаем рассматривать его в разных ракурсах, учитываем исторические формы и т. д. (до бесконечности), то единый образ неизбежно распадается. По меньшей мере, в рамках классической науки дать единственно верный ответ на вопрос как соотносятся в человеке биологическое и социальное не удастся *никогда*.

Своеобразным «ответом» на трудности и проблемы социобиологии явилось направление, относящееся, несомненно, к *постнеклассическому* этапу развития науки, начало которому положила Р. С. Карпинская. Будучи сотрудником Института философии РАН, она обладала двумя образованиями: философским и биологическим, что очень удачно и редко, и особенно ценно, когда речь идёт о решении биосоциальной проблемы. Идея Э. О. Уилсона о создании нового видения человека её очень привлекала, но недостатки социобиологии, всё более проявлявшей склонность к редуccionизму, были для неё также очевидны, как и для большинства философов советской школы. Поэтому она выступила инициатором нового, более мягкого подхода, который назвала «биофилософией», и который должен был вобрать в себя всё лучшее, что было достигнуто в рамках социобиологии и других концепций из этой сферы. Причём, основной целью ей представлялся не просто «новый синтез», т. е. новое, более точное представление о человеке, а новое видение *места* человека в мире, переход от антропоцентризма к биоцентризму. Тем самым она сразу заявила, что исходной точкой современных представлений о человеке должно стать изменение места *homo sapiens* в природной иерархии. Это было весьма дальновидно, поскольку источником всех проблем современной цивилизации при ближайшем рассмотрении оказывается антропоцентризм. Биофилософия со своей усовершенствованной «оптикой», поставившая человека на его законное место, позволяет если и не решить все проблемы человечества разом, то, хотя бы, начать движение в правильном направлении. Этот подход позволяет не только по-настоящему понять сущность человека, но и определить его истинное место в экосфере, а значит, и проложить для него реальные пути к выживанию. В соответствии с представлениями Р. С. Карпинской, биофилософия – это «новейшее направление в философском осмыслении жизни, связанное с разработкой гуманистической проблематики. В неё включены проблемы единства жизни на Земле, жизни как высшей ценности человеческой культуры, обсуждение возможных путей сохранения жизни на Земле и, соответственно, путей изменения образа науки, её идеалов и норм. *Ценностная* ориентация научного исследования становится важнейшей в определении перспектив развития биологии и обретения ею лидирующих позиций в естествознании. Эта ценностная ориентация не привносится извне, но *осознаётся и обговаривается* самими естествоиспытателями. Свидетельство тому – возникновение своеобразных концепций, имеющих своей конечной целью именно общегуманистические

заклучения о перспективах человечества (социобиология, биоэтика, биологический структурализм, биополитика и др.)» [1, с. 90].

К сожалению, Регина Семёновна немного успела сделать в данном направлении. Однако инициированные ею исследования не прекратились с её смертью. Как часто случается с талантливыми людьми, она очень верно и своевременно почувствовала отход от антропо- и техноцентризма к биоцентризму. По сути, все новейшие экологические разработки, свидетелями которых мы сегодня являемся, включая и постгуманизм с его идеей обмена генами с животными, и новую евгенику в образе качественной демографии, и либеральную евгенику, и даже трансгуманизм с его непомерной верой в чудеса техники, вплоть до убеждения, что со временем осуществится перенос сознания на электронные носители и тогда все мы сможем жить в открытом космосе, – всё это укладывается в рамки нового подхода и ждёт своего биофилософского осмысления.

Как отмечает И. К. Лисеев (один из ближайших друзей и единомышленников Р. С. Карпинской), «обращение к проблеме человека становится важнейшей чертой современной биологической науки. Современные задачи изучения природно-биологических проблем развития человека в тесном единстве с социальными меняют прежние представления о роли биологического знания в изучении природы человека. Современная биология включает в круг обсуждаемых вопросов такие, которые в силу своей социальной значимости заставляют говорить о выходах за её прежние границы» [2, с. 13–14].

В заключение хочу выразить надежду на то, что «новый синтез» ещё возможен, но только в рамках биофилософского подхода. Вряд ли это будет натуралистическая теория человека, объясняющая все его сложные проявления исходя из ограниченного набора простейших объективных причин, как об этом мечтала классическая наука. Но ведь и современная (постнеклассическая) наука отличается от науки позапрошлого века: она структурирована не столь жёстко и чётче осознаёт границы своих возможностей. Зато и границы эти не в пример шире. Утверждению нового видения человека и его места в мире должно способствовать также то, что функцию консолидации мировоззрения сегодня выполняет уже не физика, а биология. А значит и представления о научной точности и достоверности претерпели изменения.

Список литературы

1. Карпинская Р. С. Биофилософия – новое направление исследования // Биофилософия. М.: ИФ РАН, 1997. 250 с.
2. Лисеев И. К. Философские идеи Р. С. Карпинской и их развитие в современной философии биологии // Философия биологии в новом диалоге с природой. М.: ИФ РАН, 2018. 233 с.